

DOI: 10.15393/j10.art.2020.4781

УДК 821.161.1.09“18”

В. В. Борисова

*Башкирский государственный педагогический
университет им. М. Акмуллы
(Уфа, Российская Федерация)*

borisova@ufacom.ru

С. С. Шаулов

*Государственный музей истории
русской литературы имени В. И. Даля
(Москва, Российская Федерация)*

sschaulov@gmail.com

«Клуб червонных валетов» в романе Ф. М. Достоевского «Подросток»*

Аннотация. В статье в рамках реального и историко-литературного комментария рассмотрен криминальный сюжет в романе Ф. М. Достоевского «Подросток», во многом имеющий отношение к фактам и лицам, причастным к «делу о куманинском наследстве». Оно оказалось «несчастливым» и «заколдованным» по причине изначальной криминальной подоплеку, связанной с деятельностью преступного сообщества 1870-х гг. — «Клуба червонных валетов». Его членом был Александр Тимофеевич Неофитов, первый душеприказчик А. Ф. Куманиной. Как можно предположить, он стал прототипом главаря «шайки», в которую входили Ламберт, Стебельков и другие «хитрые мошенники», изображенные в романе. К «червонным валетам» принадлежал и князь Всеволод Алексеевич Долгоруков, ставший мещанином, что могло навести Достоевского на мысль дать созвучную фамилию герою-Подростку. В статье, наряду с новыми фактами об отражении типичных черт В. А. Долгорукова в образе молодого князя Сокольского, приводятся неучтенные ранее литературные источники романа «Подросток»: это популярные в России второй половины XIX века романы французского писателя Понсона дю Террайля «Клуб червонных валетов» и «Тайны Парижа». Их персонажи — госпожа Сент-Альфонс, или Альфонсина, участница интриг с компрометирующими бумагами, и капитан Ламберт, воплощение всех человеческих пороков, — прототипы одноименных героев Достоевского. Все это позволило сделать вывод о целенаправленной художественной контаминации в романе «Подросток» историко-биографического нарратива, актуальной уголовной хроники и литературной традиции.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, «Подросток», «Клуб червонных валетов», А. Т. Неофитов, В. А. Долгоруков, Понсон дю Террайль, комментарий

Об авторах: *Борисова Валентина Васильевна* — доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русской литературы, Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы (ул. Октябрьской революции, 3/а, г. Уфа, Российская Федерация, 450008); *Шаулов Сергей Сергеевич* — кандидат филологических наук, зав. отделом «Дом-музей М. Ю. Лермонтова», Государственный музей истории русской литературы им. В. И. Даля (ул. Малая Молчановка, 2, г. Москва, 121069).

Дата поступления: 05.05.2020

Дата публикации: 30.09.2020

Для цитирования: Борисова В. В., Шаулов С. С. «Клуб червонных валетов» в романе Ф. М. Достоевского «Подросток» // *Неизвестный Достоевский*. — 2020. — № 3. — С. 149–165. DOI: 10.15393/j10.art.2020.4781

Роман Ф. М. Достоевского «Подросток» во многом связан с фактами и лицами, причастными к «делу о куманинском наследстве». Оно оказалось «несчастливым» и «заколдованным» по причине изначальной криминальной подоплеку, обусловленной деятельностью знаменитого преступного сообщества 1870-х гг. — «Клуба червонных валетов» (см. об этом: [Борисова: 156–167]). Ее отражение в произведении Достоевского нуждается в реальном и историко-литературном комментарии.

В «Клуб червонных валетов» входили представители тогдашней золотой молодежи, которые сперва проявили себя в карточном шулерстве, а закончили мошенническими сделками с ценными бумагами, шантажом и подделкой банковских билетов. «Дело о “червонных валетах”» «стало одним из самых громких судебных процессов в истории Российской империи, так как объединяло в себе несколько особенных черт: испытание введенного института присяжных, большое количество обвиняемых на скамье подсудимых (48 человек), выступления лучших представителей российской адвокатуры. В течение месяца (с 8 февраля по 5 марта 1877 г. — В. Б., С. III.) оно активно освещалось в московской и петербургской прессе» [Лукашкин: 127–128]. В этом же году материалы судебного процесса были выпущены отдельным томом (см.: [Клуб червонных валетов]). Само дело рассматривалось Московским окружным судом несколько лет. Обнаружилось, что на протяжении практически целого десятилетия тянулась непрерывная цепь преступлений, совершенных несколькими группами «в разных местах: и в самой Москве, и вне ее, и в Петербурге, и в провинции, и в глуши» [Клуб...: 201].

Одной из главных фигур в «Клубе червонных валетов» был Александр Тимофеевич Неофитов, любимый крестник Александра Алексеевича Куманина, мужа родной тетки Ф. М. Достоевского, ставший ее первым душеприказчиком. С лета 1865 г. он сидел в Бутырской тюрьме за подделку 5-типроцентных банковских билетов, однако и в ней продолжил свою преступную деятельность, вместе с другими арестантами обеспечивая поставку «на волю» фальшивых денежных знаков. Нашумевшее уголовное дело с участием Неофитова в наибольшей степени отразилось в романе «Преступление и Наказание» (см. об этом: [Коган: 746–747], [Белов: 131–133], [Тихомиров: 216–218], [Борисова: 160–162]).

В романе «Подросток», начатом в феврале 1874-го и законченном в ноябре 1875 г., в самый разгар знаменитого процесса, криминальный сюжет, разработанный писателем под впечатлением от деятельности «червонных валетов», стал, по точному выражению В. Н. Захарова, результатом «романизации» реальных впечатлений и фактов [Захаров: 402]. Способность «романизировать» судебные дела, первоначально отмеченная в «Дневнике Писателя» [Захаров: 404], отличает и романы «великого пятикнижия». В «Подростке» об этом свидетельствуют достаточно «прозрачные» признания

Аркадия Долгорукого, которые по стилю не случайно напоминают свидетельские показания:

«Дело в том, что товарищ моего детства Ламберт очень, и даже прямо, мог бы быть причислен к тем мерзким шайкам мелких пройдох, которые общаются взаимно ради того, что называют теперь шантажом и на что подыскивают теперь в своде законов определения и наказания. Шайка, в которой участвовал Ламберт, завелась еще в Москве и уже наделала там довольно проказ (впоследствии она была отчасти обнаружена). Я слышал потом, что в Москве у них, некоторое время, был чрезвычайно опытный и неглупый руководитель и уже пожилой человек. Пускались они в свои предприятия и всю шайкою и по частям. Производили же, рядом с самыми грязненькими и нецензурными вещами (о которых, впрочем, известия уже являлись в газетах), — и довольно сложные и даже хитрые предприятия под руководством их шефа. Об некоторых я потом узнал, но не буду передавать подробностей»¹.

В этом фрагменте записок Подростка знаменателен ряд фактов: во-первых, настойчиво подчеркивается принадлежность Ламберта к «шайке», «хитрые предприятия» которой подпадали под действие «Свода законов Российской империи», включавшего в себя «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных» и «Законы о судопроизводстве по делам о преступлениях и проступках»²; во-вторых, примечательно неоднократное упоминание о «шайке»: именно так, по-русски, назвал сообщество «червонных валетов» помощник прокурора Н. В. Муравьев, выступив с обвинительной речью на последнем заседании Московского окружного суда [Клуб...: 183]; в-третьих, Аркадий, демонстрируя свою осведомленность, уверенно связывает деятельность шайки именно с Москвой, где и возник «Клуб червонных валетов».

Все свидетельства, приведенные рассказчиком, явно соотнесены с известным ему судебным процессом, широко освещавшимся в прессе. И самое главное — характеристика руководителя «шайки» как «чрезвычайно опытного и неглупого» и «уже пожилого человека», на наш взгляд, перекликается с описанием облика Неофитова, сохранившимся в судебном деле: «Неофитов человек более чем средних лет, с продолговатою физиономией, окаймленной черною, местами с проседью бородою, с гладко зачесанными волосами, с спокойными глазами, с степенными манерами. Кажется серьезным человеком, как и подобает быть тюремному старожилу. В его физиономии есть нечто сдержанное» [Клуб...: 163].

В 1877 г. Неофитову было уже 44 года, статусу «тюремного старожил» он вполне соответствовал, отсидев к тому времени в Бутырской тюрьме 12 лет. На суде было доказано его «первенствующее значение» в выявленных преступлениях и «сильное влияние его на окружавших арестантов и совершенное подчинение их его убеждениям, советам и указаниям» [Клуб...: 98].

Можно предположить, что именно А. Т. Неофитов стал прототипом руководителя «шайки», в которую входили Ламберт, Стебельков и другие «хитрые мошенники», изображенные в романе «Подросток».

Одним из «червонных валетов» был князь Всеволод Алексеевич Долгоруков (1850–1912), принадлежавший к одной мошеннической компании с Неофитовым и его сообщниками. «Живя в Москве, Долгоруков выдавал себя за весьма богатого человека, имеющего большие имения, а также за племянника московского генерал-губернатора. Хотя из имеющихся в деле сведений видно, что приговором Московского окружного суда, состоявшимся 27 февраля 1870 года, было определено: князя Всеволода Алексея Долгорукова, признанного присяжными заседателями виновным в мошенничестве, лишить всех особенных прав состояния и заключить в тюрьму на 11/2 месяца. Приговор этот с Высочайшего соизволения обращен к исполнению 11 ноября 1870 года. Приписывая себе не принадлежащие ему свойства, помощью этих средств, а также при посредстве окружавших его лиц <...>, он заключал займы, выдавая векселя, по которым платить был не в состоянии, а также выманивал под видом покупки в кредит, разное движимое имущество» [Клуб...: 39–40]. Будучи хорошо образованным и литературно одаренным человеком, он создал издательскую контору, успев выпустить «Путеводитель по окрестностям Москвы»³. «Под “крышей” <этой> конторы «проворачивались» аферы членов «Клуба червонных валетов» [Всеволод Алексеевич Долгоруков...: 75]. В 1870 г. его лишили княжеского звания и после тюремного заключения выслали из столицы в ссылку в г. Ефремов Тульской губернии. За участие в ряде махинаций «червонных валетов» «бывший князь» Долгоруков, осужденный вторично как мещанин, был отправлен уже в ссылку в Томскую губернию. «Но он сам, да и все его товарищи по тюрьме продолжали величать его князем и вашим сиятельством, одни в насмешку, а другие серьезно» [Всеволод Алексеевич Долгоруков...: 44].

Эффектная перверсия имен и «положений» — *князь Долгоруков / мещанин Долгоруков* — вполне могла навести Достоевского на мысль дать созвучную фамилию герою-Подростку [Пустыгина: 37–53], чтобы подчеркнуть двусмысленность его социального статуса и происхождения. Сам Аркадий говорит: «...ничего нет глупее, как называться Долгоруким, не будучи князем» (Д30; 13: 7).

Двусмысленность происхождения отличала и Всеволода Долгорукова. Его отец — князь Алексей Долгоруков обвинялся в двоебрачии, поскольку вначале женился на дочери купца Анисье Яковлевне Глазуновой-Молчановой, а затем на дочери гвардейского полковника Елизавете Петровне Якимовой, которая в сентябре 1843 г. подала жалобу в Синод по поводу второй женитьбы супруга. Князь же утверждал, что еще в 1839 г. получил сведения о кончине первой жены. 31 августа 1851 г. Синод признал второй брак недействительным. В ноябре детям, прижитым в этом браке, было

высочайше даровано дворянство с фамилией матери, только сын Всеволод получил фамилию отца [Блейк Сара: 248].

Еще очевиднее параллель между князем Всеволодом Алексеевичем Долгоруковым и князем Сергеем Петровичем Сокольским, что отмечено в комментариях к роману. Добавим, что оба были однофамильцами других людей: первый носил одну фамилию с московским генерал-губернатором Владимиром Андреевичем Долгоруковым, второй — фамилию старого князя Сокольского. По мнению Г. Я. Галаган, «сам факт пребывания на скамье подсудимых <...> потомка древнейшего княжеского рода Долгоруких должен был стать предметом широкой устной гласности. Мог быть он известен и Достоевскому. Во всяком случае, история князя В. А. Долгорукого подтверждает характерность тех симптомов “разложения” в среде дворянства, о которых свидетельствует Достоевский образом молодого Сокольского» (Д30; 17: 310).

А. С. Долинин, одним из первых обративший внимание на отражение судебных процессов 1870-х гг. в сюжетных коллизиях романа, подчеркнул их связь с преступлениями «гремющей молодежи из высшего света» (Д30; 13: 228), потерявшей прежние «законченные формы чести и долга»: это «посетители князя Сергея Сокольского — «важный гость с аксельбантами и лентой», представитель высшего света Дарзан — подделыватель векселей; Нащокин, молодой человек из аристократической семьи, в прошлом году еще служивший «в одном из виднейших кавалерийских гвардейских полков», — мот и кутила, о котором «родные публиковали даже в газетах, что не отвечают за его долги». И сам князь Сокольский, принявший участие в подделке акций, потому что нуждался в деньгах» [Долинин: 150].

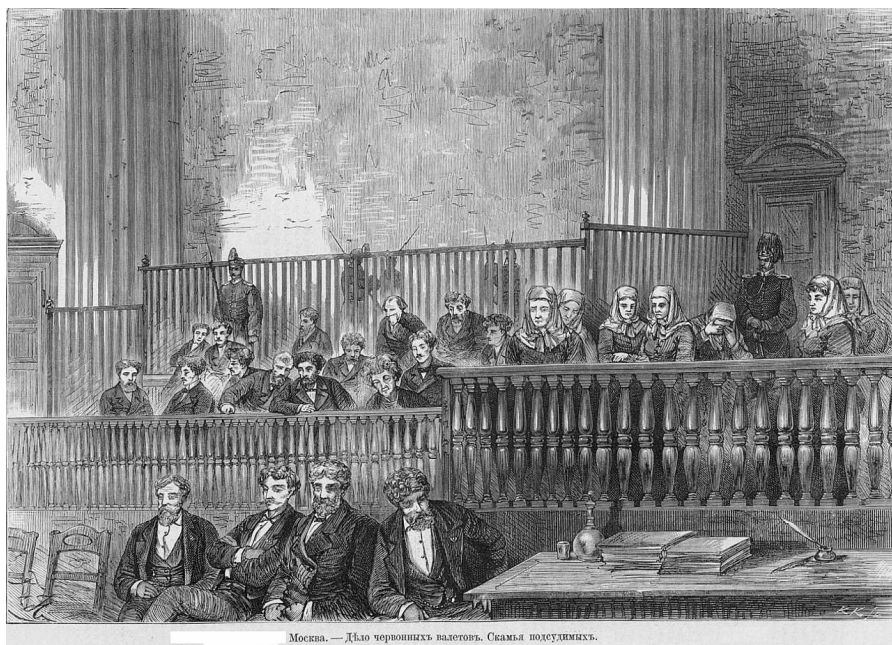
На наш взгляд, образы князя Сергея Сокольского и К° — результат художественного осмысления того характерного «типа нравственной порчи, зла и преступления», о котором в обвинительной речи о червонных валетах говорил на последнем заседании Московского окружного суда помощник прокурора Н. В. Муравьев [Клуб...: 184], имея в виду преступника аристократического происхождения.

По поводу же князя Н. В. Муравьев сказал: «В Долгорукове особенно резко бросается в глаза одна черта: легкость характера, необыкновенное легкомыслие» [Клуб...: 204–205]. «Неимение средств заставило его подумать о приискании каких-нибудь занятий», — иронически добавил прокурор [Клуб...: 204–205]. Даже защитник Долгорукова на суде, присяжный поверенный А. С. Гольденвейзер, подчеркнул эту «легкость» в князе: *«Милый, благородный, очень добрый, живой, но совершенно бесхарактерный юноша»* [Клуб...: 375].

Примечательны признания и самого обвиняемого, дающие ключ для понимания всех последующих поступков Долгорукова и происшедших в нем перемен: «Чувствую <...>, как все более и более окружающая среда

начинает давить меня, чувствую как все более и более слабеют мои лучшие помыслы» [Клуб...: 205].

Прокурор, характеризуя личность подсудимого, заключил: «Да, мечты юности исчезли, лучшие помыслы улетучились, и на место их стали вырастать другие мысли, другие цели и стремления. Это перерождение не подлежит сомнению <...>. Долгоруков сначала робко, нерешительно, затем все смелее и хладнокровнее совершает несколько обманов и мошенничеств» [Клуб...: 205]. Так он стал членом шайки подделывателей фальшивых акций железной дороги, о подписке на которые упоминает в романе Аркадий (Д30; 13: 70).

Илл. 1. Скамья подсудимых. Рис. Ф. Гаанен, грав. К. Крыжановский
(Журнал «Всемирная иллюстрация». 1877. Т. 17. № 429. С. 245)

Fig. 1. The Dock. Drawing by F. Gaanen, engraving by K. Kryzhanovsky
(*Vsemirnaya Illyustratsiya* [World Illustration] magazine. 1877. Vol. 17.
No. 429. P. 245)

Типичные черты В. А. Долгорукова как «червонного валета» вошли в характеристику молодого князя Сокольского уже в набросках к роману: «...фат, разбросан. Последний выродок из поколения; мот и игрок, трус втайне» (Д30; 16: 240). В окончательном тексте романа эта оценка сохранилась. Князь говорит о себе: «я — мот, игрок, может быть, вор... да, вор» (Д30; 13: 179), «я — уголовный преступник и участвую в подделке фальшивых акций —ской

дороги» (Д30; 13: 248), «я помог подлецам каторжникам... и помог за деньги! Стало быть, и я фальшивый монетчик!» (Д30; 13: 249).

Аркадий проницательно замечает, что на дела князя имел «страшное влияние» «один поганец — одним словом, одно мерзейшее существо Стебельков» (Д30; 13: 199), «мошенник» (Д30; 13: 248), член шайки подделывателей фальшивых акций железной дороги. В эту аферу он заманил и Сергея Сокольского как своего должника. О Стебелькове Аркадий в конце своих «записок» заметит, что он «продолжает сидеть в тюрьме по своему делу, которое <...> чем далее, тем более разрастается и усложняется» (Д30; 13: 451). Здесь очевиден намек на затянувшийся судебный процесс 1870-х гг., в ходе которого обнаруживались все новые факты.

Так, судя по всему, впечатления Достоевского от дела «червонных валетов» стали необходимым импульсом для изображения того, как рушилась дворянская идея чести и долга, важная в «Подростке», задуманном в этом плане как «роман распада в эпоху распада» («a novel of Disintegration in the Age of Disintegration») [A Dostoevsky Companion: 203–204]. Однако история «червонных валетов», отразившаяся в этом произведении писателя, была связана не только с реалиями русской общественной жизни, но и с французским источником.

Изначально будучи названием игровой карты во французской колоде, в середине XIX века выражение «червонный валет» стало нарицательным именем в романе «Клуб червонных валетов» (1858 г.). В нем французский писатель Понсон дю Террайль (1829–1871) описал похождения преступников, действовавших в Париже под предводительством незаурядного авантюриста Рокамболя.

Затем, благодаря многочисленным и чрезвычайно популярным переводным изданиям этого произведения (первый перевод вышел в Петербурге в 1868 г.), образ Рокамболя закрепился в литературном и общественном сознании России последней трети XIX в., резонируя с громким судебным процессом по делу о «Клубе червонных валетов».

По мнению А. С. Лукашкина, выявившего особенности рецепции произведений Понсона дю Террайля в русской прозе и публицистике конца XIX — начала XX вв., члены «Клуба червонных валетов» воспользовались знаменитыми романами как руководством к действию, дав мощный импульс для формирования нового социокультурного архетипа «русского Рокамболя» [Лукашкин: 134].

Авантюрную модель поведения в духе «червонных валетов» из французской саги успешно реализовали представители золотой молодежи 1870-х гг. Была выявлена целая цепь преступлений, совершенных ими: «обман, мошенничество и растрата чужого имущества», получение залогов фиктивными конторами от желающих поступить на «доходное место», «мошенническое маклерство по кредитной части», «заключение фиктивных займов по векселям» и т. п. Все виды подобных преступлений червонных валетов

красочно описаны в книге В. Михневича о «язвах Петербурга»⁴, в том числе «фабрикация подложных векселей руками самих жертв мошеннической эксплуатации, вследствие чего они делаются прямыми участниками преступления»⁵.

Именно этот способ реализует Стебельков, вовлекая в свою аферу князя Сокольского с приятелями. О его прототипе Всеволоде Долгорукове историк петербургского быта писал: «Вот князь из потомков Рюрика, с славным именем, — автор целой серии подложных векселей, жертва дурного воспитания, легкомыслия и порока, за что и вынужден был, по лишении своего титула и всех прав, отправиться путешествовать в места отдаленные» [Михневич: 285].

В нашумевшем судебном процессе по делу «червонных валетов» приняли участие видные российские адвокаты того времени С. В. Евреинов, Л. А. Куперник, Ф. П. Плевако, В. М. Пржевальский, А. А. Саблин и А. В. Лохвицкий. С последним Достоевский был хорошо знаком. В статье «Уголовные романы» (О «Преступлении и наказании»), опубликованной в 1869 г. в «Судебном вестнике», А. В. Лохвицкий оспорил мнение Эмиля Золя о том, что произведение Достоевского «немногим выше Рокамболя», подчеркнув: «...пальма первенства в уголовной литературе последнего времени принадлежит бесспорно г. Достоевскому»⁶.

Думается, круг фактов «текущей действительности» был актуализирован в творческом сознании автора романа «Подросток» именно после знакомства с романом Понсона дю Террайля, что вполне соответствовало представлениям Достоевского о литературе и принципах ее функционирования, об эстетическом влиянии искусства на действительность. Причем писатель различал несколько типов подобного влияния.

Во-первых, он имел в виду простое, неосмысленное подражание:

«...готовы были, например, чрезвычайно ценить, в свое время, разных дурных человечков, появлявшихся в литературных наших типах и заимствованных большею частью с иностранного. Мало того, что ценили, — рабски старались подражать им в действительной жизни, копировали их и в этом смысле даже из кожи лезли. Вспомните: мало ли у нас было Печориных, действительно и в самом деле наделавших много скверностей по прочтении “Героя нашего времени”» (ДЗ0; 22: 39).

Во-вторых, рассуждая о соотношении искусства и действительности, писатель в особенности выделял предугадывание, предсказание литературой еще не свершившихся фактов:

«Ихним реализмом сотой доли реальных, действительно случившихся фактов не объяснишь. А мы нашим идеализмом пророчили даже факты. Случалось...» (ДЗ0; 28₁: 329).

Наконец, третий тип взаимосвязи искусства и действительности, по Достоевскому, это прямое, *учительное* воздействие литературы на человека. В окончательном виде эта идея была сформулирована писателем в «Пушкинской речи».

Исходя из этого, его внимание должно было привлечь не столько сходство реальных преступлений и литературного вымысла, сколько подражание литературному образцу в реальности. Думается, что некоторые важные особенности поэтики «Подростка» связаны именно с этим принципом. Изначально он реализовался в жизни, отразившись в преступлениях членов русского «Клуба червонных валетов». Причем, этот феномен был художественно осмыслен не только Достоевским. Так, в рассказе К. М. Станюковича «Червонный валет» комическая стилизация имени героя (князь Жорж Растегай-Сапожков) одновременно указывает и на французские корни литературного типа, и на запоминающийся образ «князя»-афериста. В целом же рассказ Станюковича строится как история постепенного нравственного и бытового падения героя: «аристократическое» тунеядство, беспорядочные и нечистоплотные «романические» связи, жизнь на «содержании» у купчихи, долги и т. д. Изображая уголовные похождения персонажа в пунктирном виде, не разворачивая в полной мере психологический сюжет, в силу чего характер героя остался чрезвычайно плоским и однозначным, писатель-очеркист сделал упор на раскрытии сущности социального явления. Поэтому «Червонный валет» Станюковича представляет собой физиологический очерк с прозрачным до банальности социально-критическим посылом.

В романе Достоевского традиция массовой литературы функционирует иначе, хотя и в нем очевидна принципиально важная «оглядка» на произведения Понсона дю Террайля. Так, в «Подростке» преломилась развернутая французским писателем история шестидесятилетнего старика, который, выжив из ума, хочет жениться во второй раз на интриганке и ради нее лишить свою родню наследства. В типологическом плане этот сюжет «рифмуется» с перипетиями затеянной Анной Андреевной любовной игры со старым князем Сокольским.

Не менее показательны другие примеры. В записках Аркадия упоминается имя французской авантюристки Альфонсины Карловны де Вердень, которую ее сожитель Ламберт фамильярно называет Альфонсинкой. Аркадий Долгорукий, очутившись впервые у Ламберта, слышит вначале «из-за ширм дребезжащий женский голос с парижским акцентом», а затем и саму *mademoiselle Alphonsine*, наскоро одетую, в распашонке, только что с постели: «...странное какое-то существо, высокого роста и сухоощавая, как щепка, девица, брюнетка, с длинной талией, с длинным лицом, с прыгающими глазами и с свалившимися щеками, — страшно износившееся существо!» (ДЗ0; 13: 275)⁷.

Именно Альфонсинка сыграла решающую роль в реализации коварного плана с кражей «документа», зашитого в кармане Подростка: «Альфонсинка и взрезывала карман. Достав письмо <...>, мой московский документ, они взяли такого же размера простую почтовую бумажку и положили в надрезанное место кармана и зашили снова как ни в чем не бывало, так что я ничего не мог заметить. Альфонсинка же и зашивала...» (Д30; 13: 422). Активное участие подружки Ламберта предполагалось и в кульминационной сцене шантажа Катерины Николаевны: она должна была повести Аркадия по ложному следу, но в последний момент ее преступный замысел сорвался.

В романе «Клуб червонных валетов» Понсона дю Террайля аналогичную роль исполняет госпожа Сент-Альфонс, сообщница «начальника клуба червонных валетов» сэра Вильямса, который представлен «адским гением» и «чудовищным злодеем». Альфонсина, «хорошенькая брюнетка, успевшая разорить не одного человека»⁸, необходима ему для исполнения интриг, связанных с использованием компрометирующих бумаг, в том числе «какого-нибудь неосторожно написанного письма», которое грозят послать мужу, отцу или другому «выгодному» лицу⁹.

На наш взгляд, образ *mademoiselle Alphonsine* в романе Достоевского — это также результат обращения к французской литературной традиции, ставшей своего рода моделью жизни для российских «червонных валетов». К их обществу принадлежала, например, знаменитая аферистка и воровка Софья Блювштейн, по прозвищу Сонька Золотая Ручка. Ее, как и Альфонсинку, отличал артистический талант и «креативность» в мошенничестве и воровстве. Слава о ней гремела по всей России и зарубежью. Когда она оказалась на скамье подсудимых, об этом сообщили все российские газеты, особо отмечая, что на судебном процессе по делу «червонных валетов» ее оправдали. Роман Понсон дю Террайля был ее любимым произведением, а ее саму называли «Рокамболом в юбке». Внимание Достоевского не мог не привлечь этот «женский» феномен подражания литературному образцу в жизненной реальности.

В романе «Подросток» фигурирует еще один герой с французским именем — Ламберт. В комментариях к роману отмечено, что среди воспитанников московского пансиона Л. И. Чермака (послужившего прототипом Тушара), который посещал Достоевский в 1834–1837 гг. (Д30; 9: 125–139), числился Е. Ламберт (Д30; 16: 72, 75, 76, 94, 221, 270). Впервые это имя Достоевский использовал в эпиграфе к повести «Крокодил» [Алексеев: 367–373; Орнатская, 169–172], затем — в неосуществленном замысле «Житие великого грешника» (Д30; 9: 519–520), (Д30; 17: 364).

Думается, к литературному прототипу Ламберта в романе «Подросток» может быть отнесен герой из другого произведения Понсона дю Террайля «Тайны Парижа». Здесь один из персонажей, интриган и мошенник, полковник Леон выступает под именем капитана Ламберта. Он создает

в Париже тайное общество, члены которого становятся орудием кровавой мести:

«Полковник был великолепен в своем гневе, и де Ласи, знавший, что означают коварные комбинации этого человека, понял, что баронесса Сент-Люс уже всецело находится в его руках»¹⁰.

В соответствии с требованиями жанра авантюрно-уголовного романа мнимый Ламберт изображен как воплощение всех человеческих пороков, «сам дьявол»⁹. Имплицитную связь героя Достоевского с этим французским прототипом отметил Е. М. Мелетинский в «Заметках о творчестве Достоевского»: «Среди настоящих уголовников на первом месте <...> одноклассник Аркадия Ламберт, «открытый подлец и разбойник» (не случайно — француз, т. е. не русский)» [Мелетинский: 147]. Хотя, заметим, негодяй в романе Достоевского носит французское имя в силу литературной традиции, а не национальных предпочтений автора.

В черновых материалах к роману о «товарище» Подростка сказано: «Ламберт — мясо, материя, ужас — и проч.» (Д30; 16: 128). Действительно, этот участник «московской шайки» (Д30; 13: 323) — кощунствующий и развратный герой, олицетворение нравственной низости, по словам Версилова, «большой мерзавец». К тому времени, когда Подросток случайно встретил его уже в Петербурге, Ламберт с помощью Альфонсинки, Андреева и Тришатова, проворачивал разные темные операции вполне в духе «червонных валетов» (Д30; 13: 274), (Д30; 17: 383).

Характеризуя Ламберта и отмечая его тираническую жестокость по отношению к себе, Подросток достаточно прозрачно намекает на развратную связь своего «товарища» с аббатом Риго:

«Когда он ездил на конфирмацию, то к нему приехал аббат Риго поздравить с первым причастием, и оба кинулись в слезах друг другу на шею, и аббат Риго стал его ужасно прижимать к своей груди, с разными жестами» (Д30; 13: 27).

Помимо этого, Ламберт — вор («Он сказал, что деньги утащил сегодня у матери из шкатулки, подделав ключ, потому что деньги от отца все его, по закону, и что она не смеет не давать, а что вчера к нему приходил аббат Риго увещевать — вошел, стал над ним и стал хныкать, изображать ужас и поднимать руки к небу, “а я вынул нож и сказал, что я его зарежу”» — Д30; 13: 27), циник и богохульник («Мы поехали на Кузнецкий. Дорогой он мне сообщил, что его мать в сношениях с аббатом Риго, и что он это заметил, и что он на все плюет, и что все, что они говорят про причастие, — вздор» — Д30; 13: 27), садист, способный в упор расстрелять канарейку и хлестать «даму» по голым плечам хлыстом (Д30; 13: 27).

Думается, подчеркнуто гротескная характерность его образа в большой степени обусловлена влиянием французского авантюрно-уголовного романа, находившегося в поле зрения Достоевского в пору работы над «Подростком». В данном случае показательна целенаправленная трансформация традиции, закрепившейся в массовой литературе того времени, под пером большого художника. Используя прием «сюжетной критики» [Назирова, 1982: 63] Достоевский, сохраняя связь персонажа с литературным претекстом, эстетически и этически развенчивает его.

Гротескность образа Ламберта порождается несоответствием масштабов его характера, быта и поведения с сознательно принимаемыми им позами. Он хотел бы внушать ужас (отсюда его рассказы о хлысте, аббате Риго и пр.), но внушает лишь отвращение. Этот второстепенный герой романа наделен своеобразной «эстетической инициативой» [Назирова, 2005: 135], но в силу своей интеллектуальной и культурной ограниченности не понимает пошлости ее реализации, отсюда и явные пародийные черты образа, отсутствующие в герое-прототипе. В конце своих записок Аркадий сообщает о бесславном конце его преступной карьеры: «Ламберт исчез в Москву, и я слышал, что там в чем-то попался» (ДЗ0; 13: 449).

Таким образом, традиционная ко времени создания «Подростка» «оптика» авантюрно-криминального романа, в рамках которого такой герой сохраняет эстетическую привлекательность, дополняется новой точкой зрения, в свете которой он выглядит одновременно смешным и отвратительным.

Подобным же образом у Достоевского трансформируется и сюжет авантюрного романа. В детективном или криминальном романе (различия в данном случае несущественны) «пружиной» является преступление или преступник. Нарратив «привязан» либо к сыщику (в детективе), либо к преступнику (в криминальном романе). Сюжетная интрига обеспечивается как разгадыванием тайны преступления, так и описанием его процесса.

Аркадий, практически на протяжении всего романа, вынужден разгадывать, узнавать людей и скрытые от него события. Почти всегда он не успевает или отгадывает их неправильно, однако сама позиция человека, отгадывающего чужие секреты, однозначно указывает на функциональную модель, лежащую в основе его образа до трансформации сюжетной структуры романа, — это сыщик. Однако, в нарушение традиции, он постоянно терпит неудачу, ничего не предотвращает, хотя он неглуп, по-своему деятелен и в достаточной степени наблюдателен. Неслучайно роль «открывателя» тайн регулярно ставит Аркадия в смешные положения, за что его нещадно ругает тетка Татьяна Павловна.

Эта неудачливость объясняется именно сдвигом ракурсов: «узнавать» и «отгадывать этот «сыщик» вынужден самого себя и новую для себя жизненную правду. Интрига в «Подростке» переходит из авантюрно-криминальной сферы в плоскость психологии героя и философии автора.

Исходный же авантюрно-криминальный сюжет в «Подростке» уходит на второй план.

Таким образом, «сильные впечатления», пережитые писателем «действительно» (Д30; 16: 10), сопряглись в его воображении с другими творческими импульсами, что обеспечило в итоге контаминацию в романе «Подросток» историко-биографического нарратива и литературной традиции, причудливым образом наложившихся друг на друга.

Образец подобного сопряжения представила Достоевскому сама жизнь, в которой французская сага о Рокамболе послужила моделью поведения для российских «червонных валетов». Думается, писатель не мог не обратить внимания на своеобразный «эстетический» диалог героев Понсон дю Террайля: «Ну, — прервал Рокамболь, — история становится романтической. — Роман есть история жизни, мой дорогой сын, — возразил ему серьезно баронет (главарь «Клуба червонных валетов». — В. Б., С. III.)» [Понсон дю Террайль, 1993: 115].

Так роман стал «историей жизни», а «история жизни» стала «романом».

Примечания

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект № 18-012-90013 Достоевский («Дело о куманинском наследстве» в жизни и творчестве Ф. М. Достоевского).

- ¹ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1975. Т. 13. С. 322. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с использованием сокращения Д30, указанием тома (полутома — нижним индексом) и страницы в круглых скобках.
- ² Законы уголовные // Сводъ законовъ Россійской имперіи: в 34 т. СПб.: Изд-во Тип. Второго Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии. 1857–1868. Т. 15. 1857. С. 1–964.
- ³ Путеводитель по окрестностям Москвы / сост. В. Долг-ой. М.: Издание редакции «Путеводителя по России» (В. Г. кн. Долгорукого и В. И. Анофриева), 1872. 506 с. На титульном листе издания поставлены инициалы «В. Г.», не соответствующие настоящим инициалам Долгорукова. Опечатка это или сознательный маневр редакции — нам неизвестно.
- ⁴ См. об этом: [Михневич: 271, 276–277, 280–283, 286–287, 330–331]. Здесь указаны виды преступлений, совершенные «червонными валетами».
- ⁵ Там же. С. 282
- ⁶ Лохвицкий А. В. Уголовные романы (О «Преступлении и наказании») // «Судебный вестник». — 1869. — № 83.
- ⁷ В комментариях к роману предположительно отмечается аналогия «с именем известной в 1870-е годы в Петербурге французской шансонетки Альфонсины. Имя ее часто встречалось в газетах и употреблялось как нарицательное» (Д30, 17: 383).
- ⁸ Понсон дю Террайль. Клуб червонных валетов // Понсон дю Террайль. Полные похождения Рокамболя: в 2 т. М.: Терра, 1993. Т. 1. С. 228.
- ⁹ Там же. С. 104.
- ¹⁰ Понсон дю Террайль. Тайны Парижа. М.: Рипол, 2016. С. 380.
- ¹¹ Там же. С. 6.

Список литературы

1. Алексеев М. П. Об одном эпиграфе у Достоевского // Проблемы теории и истории литературы. — М., 1971. — С. 367–373.
2. Белов С. В. Роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание». Комментарий. — 4-е изд. — М.: Либроком, 2011. — 240 с.
3. Блейк Сара. Долгоруковы. Высшая российская знать. — М.: Рипол Классик, 2014. — 251 с.
4. Борисова В. В. «Червонный валет» А. Т. Неофитов из окружения Ф. М. Достоевского // Неизвестный Достоевский. — 2020. — № 1. — С. 156–167 [Электронный ресурс]. — URL: https://www.unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1587666726.pdf (30.04.2020). DOI: 10.15393/j10.art.2020.4481
5. Всеволод Алексеевич Долгоруков: сб. материалов / сост. В. М. Костин, А.В. Яковенко. — Томск. — 2013. — 240 с.
6. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. — Л.: Наука, 1972–1990.
7. Долинин А. С. Последние романы Достоевского. Как создавались «Подросток» и «Братья Карамазовы». — М.; Л.: Сов. писатель, 1963. — 344 с.
8. Захаров В. Н. Имя автора — Достоевский. Очерк творчества. — М.: Индрик, 2013. — 456 с.
9. Клуб червонных валетов. Уголовный процесс. — М.: тип. М. Н. Лаврова и К°, 1877. — 593 с. [Электронный ресурс]. — URL: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01003607591#?page=1> (30.04.2020).
10. Лукашкин А. С. «Рокамболь, государственный человек»: фигура И. М. Манасевича-Мануйлова в предреволюционной России // Имагология и компаративистика. — 2019. — № 11. — С. 121–139. DOI: 10.17223/24099554/11/5
11. Мелетинский Е. М. Заметки о творчестве Достоевского. — М.: РГГУ, 2001. — 190 с.
12. Михневич В. О. Исторические этюды русской жизни: в 3 т. — С.-Петербург: Тип. Ф. С. Сушинского, 1886. — Т. 3: Язвы Петербурга. — [6], XXX, [2], 542 с.
13. Назиров Р. Г. Творческие принципы Достоевского. — Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1982. — 160 с.
14. Назиров Р. Г. Равноправие автора и героя в творчестве Достоевского (к концепции полифонического романа) // Назиров Р. Г. Русская классическая литература: сравнительно-исторический подход. Исследования разных лет: сб. ст. — Уфа: РИО БашГУ, 2005. — С. 134–149.
15. Орнатская Т. И. «Крокодил». «Подросток» (Дополнение к комментарию) // Достоевский. Материалы и исследования. — Л., 1987. — Вып. 7. — С. 169–172.
16. Пустыгина Н. Г. О фамилии Долгоруков в романе Ф. М. Достоевского «Подросток» // Ученые записки Тартуского ун-та. Труды по русской и славянской филологии. — 1985. — Вып. 645. — С. 37–53.
17. Тихомиров Б. Н. «Лазарь! гряди вон». Роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание в современном прочтении: книга-комментарий. — 2-е изд. испр. и доп. — СПб.: Серебряный век, 2016. — 560 с.
18. A Dostoevsky Companion: Texts and Contexts / ed. by Katherine Bowers, Connor Doak and Kate Holland. — Boston: Academic Studies Press, 2018. — 535 p.

Valentina V. Borisova

M. Akmullah Bashkir State Pedagogical University

(Ufa, Russian Federation)

borisova@ufacom.ru

Sergey S. Shaulov

Vladimir Dahl Russian State Literary Museum

(Moscow, Russian Federation)

sschaulov@gmail.com

“The Jack of Hearts Club” in F. M. Dostoevsky’s Novel *The Raw Youth*

Acknowledgments. The reported study was funded by Russian foundation for basic research (RFBR) according to the research project number 18-012-90013 Dostoevsky.

Abstract. The article examines the criminal storyline in *The Raw Youth* by F. M. Dostoevsky as part of real-life and historical and literary commentary on the novel. The matter has significant links to the facts and persons associated with the “Kumanin inheritance case.” It turned out to be “unfortunate” and “haunted” because of the initial criminal background associated with the activities of the famous criminal community of the 1870s, namely, “The Jack of Hearts Club”. Among its members was Alexander Timofeevich Neofitov, the first executor of the will of A. F. Kumanina. We can presume that he became the prototype of the leader of the “gang,” which included Lambert, Stebelkov and other “cunning scammers” depicted in the novel. Vsevolod Alekseevich Dolgorukov, a prince and tradesman, was also one of the “red jacks,” which could have led Dostoevsky to endow the hero of his novel with a similar surname. The article provides new facts confirming that the typical features of V. A. Dolgorukov are reflected in the characteristics of the young prince Sokolsky. Secondly, two previously unrecognized literary sources of Dostoevsky’s work, namely, novels by the French writer Ponson du Terrail, *The Jack of Hearts Club* and *Secrets of Paris*, which were popular in Russia at that time. Their characters, Mrs. St. Alphonse, or Alfonsina, involved in scheming with incriminating papers, and Captain Lambert, depicted as the embodiment of all human vices, are the prototypes of the namesake heroes in Dostoevsky’s novel. All of the above made it possible to conclude that intentional artistic contamination of the historical and biographical narrative, criminal chronicle and literary tradition occurred in *The Raw Youth*.

Keywords: F. M. Dostoevsky, *The Raw Youth*, real and historical literary commentary, *The Jack of Hearts Club*, A. T. Neofitov, V. A. Dolgorukov, Ponson du Terrail

About the authors: *Borisova Valentina V.* — Doctor of Philology, Professor, Head of the Russian Literature Department, M. Akmullah Bashkir State Pedagogical University (ul. Oktyabrskoy Revolyutsii 3/a, Ufa, Bashkortostan, 450008, Russian Federation); *Shaulov Sergey S.* — PhD in Philology, Head of the House-Museum of M. Yu. Lermontov, Vladimir Dahl Russian State Literary Museum (ul. Malaya Molchanovka 2, Moscow, Russian Federation)

Received: May 5, 2020

Date of publication: September 30, 2020

For citation: Borisova V. V., Shaulov S. S. “The Jack of Hearts Club” in F. M. Dostoevsky’s Novel “The Raw Youth”. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2020, no. 3, pp. 149–165. DOI: 10.15393/j10.art.2020.4781 (In Russ.)

References

1. Alekseev M. P. About an Epigraph in Dostoevsky. In: *Problemy teorii i istorii literatury* [Problems of Theory and History of Literature]. Moscow, 1971, pp. 367–373. (In Russ.)
2. Belov S. V. Roman F. M. Dostoevskogo «Prestuplenie i nakazanie». Kommentariy [Fedor Dostoevsky's Novel "Crime and Punishment". A Comment]. Moscow, Librokom Publ., 2011. 240 p. (In Russ.)
3. Blake Sarah. Dolgorukovy. Vysshaya rossiyskaya znat' [The Dolgorukovs. Higher Russian Nobility]. Moscow, Ripol Klassik Publ., 2014. 251 p. (In Russ.)
4. Borisova V. V. "Jack of Hearts" A. T. Neofitov from the Circle of F. M. Dostoevsky. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy* [The Unknown Dostoevsky], 2020, no. 1, pp. 156–167. Available at: https://www.unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1587666726.pdf (accessed on April 30, 2020). DOI: 10.15393/j10.art.2020.4481 (In Russ.)
5. Vsevolod Alekseevich Dolgorukov: sbornik materialov [Vsevolod Alekseevich Dolgorukov: Collection of Materials]. Tomsk, 2013. 240 p. (In Russ.)
6. Dostoevskiy F. M. Polnoe sobranie sochineniy: v 30 tomakh [The Complete Works: in 30 Vols]. Leningrad, Nauka Publ., 1972–1990. (In Russ.)
7. Dolinin A. S. Poslednie romany Dostoevskogo. Kak sozdavalis' «Podrostok» i «Brat'ya Karamazovy» [Last Novels of Dostoevsky. How "The Raw Youth" and "The Brothers Karamazov" Were Created]. Moscow, Leningrad, Sovetskiy pisatel' Publ., 1963. 344 p. (In Russ.)
8. Zakharov V. N. Imya avtora — Dostoevskiy. Ocherk tvorchestva [The Author's Name Is Dostoevsky. An Essay on Creative Works]. Moscow, Indrik Publ., 2013. 456 p. (In Russ.)
9. Klub chervonnykh valetov. Ugolovnyy protsess [The Jack Hearts Club. Criminal Trial Process]. Moscow, tipografiya M. N. Lavrova i K° Publ., 1877. 593 p. Available at: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01003607591#?page=1> (accessed on January 18, 2020). (In Russ.)
10. Lukashkin A. S. "Rocambole, The Statesperson": The Figure of Ivan Manasevich-Manuylov in the Pre-revolutionary Russia. In: *Imagologiya i komparativistika* [The Imagology and Comparative Studies], 2019, no. 11, pp. 121–139. (In Russ.)
11. Meletinskiy E. M. Zametki o tvorchestve Dostoevskogo [Notes on the Works of Dostoevsky]. Moscow, Russian State University for the Humanities Publ., 2001. 190 p. (In Russ.)
12. Mikhnevich V. O. Istoricheskie etyudy russkoy zhizni: v 3 tomakh [Historical Studies of Russian Life: in 3 Vols]. St. Petersburg, F. S. Sushchinsky Printing House, 1886, vol. 3. 542 p. (In Russ.)
13. Nazirov R. G. Tvorcheskije printsipy Dostoevskogo [Creative Principles of Dostoevsky]. Saratov, Saratov State University Publ., 1982. 160 p. (In Russ.)
14. Nazirov R. G. Equality of the Author and the Hero in the Works of Dostoevsky (to the Concept of a Polyphonic Novel). In: Nazirov R. G. *Russkaya klassicheskaya literatura: sravnitel'no-istoricheskiy podkhod. Issledovaniya raznykh let: sbornik statey* [Nazirov R. G. Russian Classical Literature: Comparative Historical Approach. Studies of Different Years: Collection of Articles]. Ufa, Bashkir State University Publ., 2005, pp. 134–149. (In Russ.)
15. Ornatskaya T. I. "Crocodile". "The Raw Youth" (Addition to the Comment). In: *Dostoevskiy. Materialy i issledovaniya* [Dostoevsky. Materials and Researches]. Leningrad, Nauka Publ., 1987, issue 7, pp. 169–172. (In Russ.)
16. Pustygina N. G. About the Surname Dolgorukov in the Novel by F. M. Dostoevsky "The Raw Youth". In: *Uchenye zapiski Tartuskogo universiteta. Trudy po russkoy i slavyanskoy filologii* [Tartu riikliku likooli toimetised], 1985, issue 645, pp. 37–53. (In Russ.)

17. Tikhomirov B. N. «Lazar’! gryadi von». *Roman F. M. Dostoevskogo «Prestuplenie i nakazanie v sovremennom prochtenii: kniga-kommentariy* [“Lazarus! Ridge over there”. *Dostoevsky’s Novel “Crime and Punishment” in Modern Interpretation: The Commentary*]. St. Petersburg, Serebryanny vek Publ., 2016. 560 p. (In Russ.)
18. *A Dostoevsky Companion: Texts and Contexts*. Boston, Academic Studies Press Publ., 2018. 535 p. (In English)